

Николай Андреевич Будрейко: фронтовые дороги ученого

Будрейко Екатерина Николаевна

Институт истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия

В статье рассказано о жизненном и творческом пути заведующего кафедрой философии Московского химико-технологического института имени Д.И. Менделеева, доктора философских наук, профессора Николая Андреевича Будрейко, стоявшего у истоков научной династии философов и историков химии. На основании документов семейного архива прослежен его боевой путь в период Великой Отечественной войны. Рассмотрены главные направления научно-педагогической деятельности в послевоенное время: организация кафедры философии в МХТИ им. Д.И. Менделеева, создание первого в стране учебного курса «Философские вопросы химии», установление долгосрочных контактов ученых МХТИ с ведущими научными организациями в этой области, в том числе с ИИЕТ АН СССР. В статье использованы письма и воспоминания из архива семьи Будрейко.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, история химии, философские вопросы химии, МХТИ им. Д.И. Менделеева, ИИЕТ РАН, Е.А. Будрейко, Н.А. Будрейко

Цитирование: Будрейко Е.Н. Николай Андреевич Будрейко: фронтовые дороги ученого // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2025. Т. 3, вып. 2. С. 80-100

The Front Paths of the Scientist N.A. Budreyko

Ekaterina N. Budreyko

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The article describes the life and professional journey of Professor Nikolai Andreevich Budreyko Head of the Department of Philosophy at the Mendeleev Moscow Institute of Chemical Technology ('MKhTI'), Doctor of Philosophical Sciences, a founder of a scientific dynasty of philosophers and historians of chemistry. Based on the documents from the family archive, his military career during the Great Patriotic War is traced. The main areas of his scientific and teaching work in the post-war period are reviewed: setting up the Department of Philosophy at the MKhTI, creating the country's first training course on "Philosophical Issues of Chemistry", and establishing long-standing contacts between the MKhTI and the leading scientific organizations in this field, including the Institute for the History of Science and Technology of Russian Academy of Sciences. The article contains the letters and memoirs from the Budreyko family archive.

Keywords: The Great Patriotic War, history of chemistry, philosophical issues of chemistry, Moscow Art Institute named after D.I. Mendeleev, ILET RAS, E.A. Budreyko, N.A. Budreyko

Прошло 80 лет со дня окончания Великой Отечественной войны, но в семьях бывших фронтовиков до сих пор бережно хранятся свидетельства тех лет: боевые награды, письма, фотографии. В архиве нашей семьи особое место занимают фронтовые письма отца – заведующего кафедрой философии Московского химико-технологического института имени Д.И. Менделеева, д.ф.н., профессора Николая Андреевича Будрейко и дяди – к.х.н., доцента Евгения Антоновича Будрейко, которые они писали матери Екатерине Андреевне Будрейко¹, директору школы села Колывань Новосибирской области.

Н.А. Будрейко родился 29 декабря 1913 г., и в его биографии отразилась почти вся история советской власти. Его жизнь вместила в себя столько, что этого хватило бы на несколько человек: в 25 лет – выпускник химического факультета Московского университета, в 29 – подполковник, в 38 – заведующий Отделом науки и культуры Московского областного комитета партии, в 47 – заведующий кафедрой, в 57 – доктор философских наук, профессор. И везде он оказывался в гуще событий. Служба в армии – это 2,5 года на фронте, битва за Москву, бои на Дону и Северском Донце, форсирование Днепра; партийная работа – последние годы жизни И.В. Сталина, хрущевская «оттепель»; преподавательская деятельность – организация новой кафедры, создание первого в стране курса философии химии.

Он был разносторонне одаренным человеком: со школьных лет любил химию и проявлял в этой области немалые способности, хорошо знал русскую литературу и сам мечтал стать писателем, с детских лет прекрасно рисовал, имел большую склонность к военному делу. Его неслучайно привлекли философия и история науки: он считал, что человек может жить и действовать осознанно, только понимая общие законы развития природы и общества. Однако самым главным его талантом, его призванием был талант руководителя и воспитателя. Будучи очень целеустремленным и собранным человеком, он являлся прекрасным организатором. Для него – лидера по натуре – было естественным брать на себя ответственность, принимать решения. Впрочем, его формирование как ученого и человека во многом было обусловлено и жизненными обстоятельствами. А они складывались следующим образом.

Отец родился в старинном торговом и ремесленном городе Колывань, расположенном на пересечении двух крупнейших дорог Сибири – Московского тракта и реки Обь. Семья жила бедно: мать, Екатерина Андреевна, учительница начальной школы, рано оставшись вдовой, одна кормила сыновей, Николая и Евгения, и старика-отца. Детство отца кончилось рано: с семи лет он уже нянчил младшего братишку, помогал по хозяйству.

¹ Будрейко Е.А. (1892–1972), директор школы № 1 с. Колывань Новосибирской обл., награждена орденом Ленина (1949), медалями «За трудовую доблесть» (1937), «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), заслуженная учительница РСФСР (1954).

Рис. 1. Семья Будрейко, с. Колывань Новосибирской обл. Октябрь 1930 г.
1-й ряд (слева на право): Е.А. Будрейко, А.В. Пруссаков.
2-й ряд: Евгений, Николай.
Источник: архив семьи Будрейко

Впрочем, несмотря на все трудности жизни, ему удалось получить хорошее школьное образование, поскольку в те годы в местной девятилетке учительствовали бывшие царские офицеры, бежавшие от революции в далекую Сибирь. В начале 1920-х гг. в Колывани был организован первый в Сибири пионерский отряд, в который вступил и отец. Позже он вспоминал, как от имени пионеров приветствовал I съезд комсомола Сибири, и другие эпизоды своего детства. Он рано стал самостоятель-

ным: в 1929 г., после окончания школы, 15-летним юношей покинул родной дом и уехал учиться в Химполитехникум в Новосибирск. Своей специальностью он выбрал лесохимию. В техникуме отец прошел суровую жизненную школу. Студенты работали на строительстве предприятий первой пятилетки, участвовали в возведении моста через реку Обь. Однако учеба в техникуме не складывалась: специальность меняли каждый год, учебный процесс был поставлен плохо. В конце концов, когда за два месяца до защиты диплома студентам предложили специализироваться в области силикатного производства, отец с двумя товарищами отправился за помощью в Москву, в Наркомтяжпром. Не получив здесь поддержки, они обратились в ЦК комсомола и были направлены в наиболее близкий к химии Институт цветных металлов и золота. В сентябре 1932 г. отец был зачислен на первый курс этого института. Но в январе 1933 г. по решению Моссовета иногородние студенты первых курсов, жившие в неприспособленных общежитиях, были отправлены в годичный отпуск. Отцу пришлось вернуться домой в Сибирь.

В Колывани он начал работать заместителем редактора районной

Рис. 2. Колывань. Рисунок Н. Будрейко.
Май 1929 г. (Перо, тушь).
Источник: архив семьи Будрейко

газеты «Победа социализма». Короткие заметки передают напряженный ритм жизни начала 1930-х гг.: сводки с полей, вести из колхозов. Когда подошла осень 1933 г. и наступила пора возвращаться в Москву, в районе был разгар уборочной страды, редактор газеты ездил по колхозам. Отцу пришлось задержаться. Позже он писал в автобиографии: *«Когда я в октябре 1933 г. приехал в Институт, мне сказали, что ни места в общежитии, ни стипендии нет и направили в Комитет по делам высшей школы при ЦИК. Поскольку я хотел специализироваться по химии, мне предложили Химфак Средне-Азиатского государственного университета в г. Ташкенте, где был недобор и еще не начались занятия. Не желая терять год, я туда поехал».*

Рис. 3. Н. Будрейко (справа) с редактором газеты «Победа социализма», с. Колывань. Октябрь 1933 г.
Источник: архив семьи Будрейко

В июле 1934 г. отец окончил первый курс САГУ, однако *«...жить в Средней Азии больше не мог, поскольку выросши в Сибири, очень тяжело переносил жару».* Его просьба о переводе была удовлетворена, и он был зачислен на второй курс химического факультета Московского государственного университета. Отец позже вспоминал, что еще в Институте цветных металлов и золота мечтал учиться в МГУ. Перед отъездом в Ташкент он обратился к декану химического факультета профессору А.В. Раковскому с просьбой разрешить сдать вступительные экзамены. И хотя Раковский отказал ему, поскольку прием был окончен, отец и не думал сдаваться. «Я обязательно буду у вас учиться!» – сказал он на прощанье. На третьем курсе, сдав Раковскому экзамен по физической химии, отец напомнил ему об этом случае. Но известный ученый, конечно, уже забыл настойчивого юношу из Сибири.

Отец нередко вспоминал свои студенческие годы: лекции известных ученых Н.Д. Зелинского, А.Н. Несмеянова, А.В. Раковского, дружную комнату в общежитии на Стромынке, работу редактором комсомольской странички в газете «Московский университет», поездку в Ленинград и случайную встречу в Смольном с С.М. Кировым, летний поход на Алтай. С тех пор у него сохранились теплые отношения с будущими известными учеными Я.М. Колотыркиным, Г.П. Хомченко и другими.

Однако высшее образование далось нелегко. Отец только раз позволил себе сказать об этом. В 1944 г. он писал: *«Ему (брату. – Е.Б.) не придется, как мне, не имея никакой родни, никакой поддержки... быть около 9 лет студентом, перетерпеть все – и холод, и недоедания и ходить оборванцем...»*

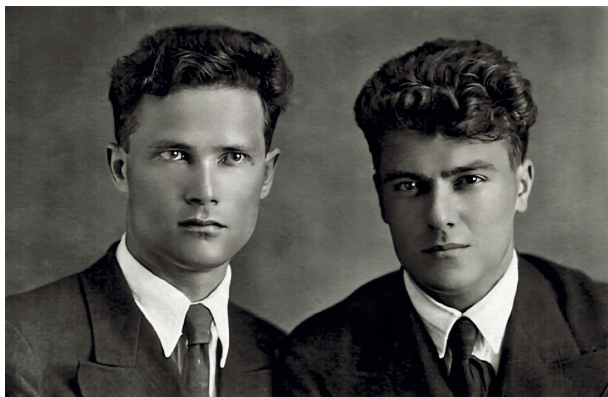

Рис. 4. Студенты МГУ Н. Будрейко (справа) и Г. Хомченко. Москва. Июнь 1937 г.
Источник: архив семьи Будрейко

В мае 1939 г. отец окончил университет и получил распределение на кафедру физической химии I Медицинского института. В его характеристике читаем: «...тов. Будрейко учился хорошо, показал умение самостоятельно работать над учебным материалом и склонность к научно-исследовательской деятельности. Как способный молодой специалист представлен ассистентом при

кафедре проф. Пржеборовского». Перед отцом, наконец, открывался путь в большую науку.

Однако заняться исследовательской и преподавательской деятельностью ему не пришлось. В конце мая 1939 г. военным отделом ЦК ВКП(б) был объявлен набор в Военно-морской флот. Отец рассказывал позже, что не попал бы в него по состоянию здоровья. Однако он ясно сознавал, что мирная жизнь кончается, рано или поздно война неизбежна, и принял решение служить именно на флоте. В ноябре 1939 г., после окончания Курсов усовершенствования командного состава ВМФ при Высшем военно-морском инженерном училище им. Дзержинского (Ленинград), он был направлен во Владивосток, где до самой войны служил в должности преподавателя химии и командира роты Тихоокеанского высшего военно-морского училища (в настоящее время – им. С.О. Макарова)².

С первых дней Великой Отечественной войны отец стремился на фронт, неоднократно подавал рапорт начальнику училища, но как один из лучших преподавателей получал

Рис. 5. Е.Н. Будрейко с членом Совета старейшин Владивостокского морского собрания, руководителем Военно-исторического центра «Морская душа», доцентом ТОВВМУ им. адмирала С.О. Макарова Л.Н. Толстовой. Москва. Июль 2020 г.
Источник: архив семьи Будрейко

² Контакты нашей семьи с Тихоокеанским высшим военно-морским училищем им. С.О. Макарова сохраняются и в настоящее время.

отказ. Жизнь распорядилась так, что первым в семье вступил в войну папин младший брат Евгений, который служил под г. Львовом, уже в июле попал со своей частью в окружение и нашелся только в 1943 г. Отец, как мог, в письмах успокаивал мать и сам рвался на фронт. В августе 1941 г. он писал из Владивостока в Сибирь: *«Дорогая мама! Прежде времени и без всяких оснований нечего беспокоиться за Евгения. Эта война имеет много особенностей, которые нужно учитывать. Если что-либо с ним случится, то нас известят. ... В Женьке я уверен и за него спокоен... правда, очень завидую, что не я на его месте. Но ничего, придет и мой черед скоро, ох, и позвоюем же, злости во мне накопилось – уйма...»*

Однако попасть в действующую армию отцу удалось лишь в ноябре. После того как появилась возможность переправить под Москву часть дивизий из Сибири и с Дальнего Востока, в училище пришел приказ снять с занятий для отправки на фронт слушателей 1-го и 2-го курсов. Бригада морской пехоты, в которую должны были влиться моряки-тихоокеанцы, в том числе и отцовская рота, формировалась в с. Мошково под Новосибирском, недалеко от Колывани – родного села отца. Зная, что отец уже несколько лет не был дома, начальник училища вызвал его к себе. Приказав доставить отряд курсантов по назначению, он добавил: «Можете заехать домой повидаться с матерью и вернетесь обратно». Однако отец поступил иначе. Прибыв к месту формирования бригады, он обратился к ее командиру капитану 1-го ранга Я.П. Безверхову: «Есть ли у вас начальник химической службы? Моряк он или пехотинец?» «Пехотинец», – был ответ. «Тогда гоните вашего начхима и возьмите меня. Бригада морская, все должны быть моряки». Аргумент подействовал, и в составе 71-й бригады морской пехоты отец, не заезжая домой, отбыл на фронт под Москву. Впереди были три с половиной года войны, из них два с половиной в действующей армии: от снегов Подмосковья до границы с Румынией.

Отец часто вспоминал начальный тяжелейший период войны, ту огромную цену, которая была заплачена под Москвой. Победы, салюты, награды – все это было потом. Из тех же, с кем вместе он защищал столицу, немногие остались в живых, и неудивительно: моряки шли в самое острое наступления 1-й Сибирской ударной армии. Он писал: «Наша бригада разгрузилась в одну из ночей конца ноября в гор. Дмитрове. На вокзале уже рвались

Рис. 6. Капитан Н.А. Будрейко с ординарцем С. Банниковым. Январь 1942 г. Московский фронт.
Источник: архив семьи Будрейко

Дорогая Мама!
Наконец под Москвой, пока жив и
здоров. Думаю, что немцев скоро
начнем теснить назад. Ну а сейчас же
это трудно рассказать даже, как жмёт
их пушино уничтожать всех подряд.
Сейчас ночь, в нескольких километрах
от фронта, горят еловые-подосиновые
лесы, бьётся как бы мы их ночью не
давим. Немцы у них слаба, вот только
танков много, в этом то все и дело.
Мама! Я оставил...

Здравствуй
Сейчас пишу
тебе и с и
и думаю еще
вспомни на ко
Задражи Дондасе и сейчас жмёт
фронтовых бригадах к Диеву
Мне ты пишу все равно отверт.
Настоящая гадина все за собой и фронты
все население одну пустыню остав-
ляет, но все равно все не уничто-
жит. Мама!

Новосибирская область
Е. Колыванов
Тав школа
Екатерине Андреевне
Будрейко
891 посылка посылка станция
Итаб бригады Н.А. Будрейко.

Новосибирская область
Е. Колыванов
Колыванский район
Т. школы Е. А. Будрейко
г. Дмитров. Московская область
Н. Будрейко.

Мне прямо задр-
я уж решил писать
а 5 его, он где-то
меня крутител, но
яко узнать пока
летящим бы его

Рис. 7. Фронтовые письма. Ноябрь – декабрь 1941 г., сентябрь 1943 г.
Источник: архив семьи Будрейко

немецкие снаряды. Однако взять Дмитров противник все же не смог» (Будрейко, 1966). Отец вспоминал, насколько спешно перебрасывались к Москве части из Сибири и с Дальнего Востока: «Наша бригада из Владивостока выехала, даже винтовок не имела. Останавливаемся в Омске, на платформы пушки закатываем, в Тюмени – ящики с оружием – все получали на ходу, гнали так, что и разобратся не успели... Нас из Владивостока за семь дней домчали» (Будрейко, 1966). Воинские эшелоны шли к Москве без остановок, все другие поезда уступали им дорогу. Когда моряки, наконец, прибыли к месту назначения, то некоторое время не могли стоять прямо, их шатало от многодневной качки.

Интересно, что события этого периода можно проследить по военным письмам, в которых в начале войны все писалось открытым текстом: никакой цензуры, номеров полевых почт еще не было. В первом письме из-под Москвы, датированном 27 ноября 1941 г., отец писал: «Дорогая мама! Нахожусь под Москвой, пока жив и здоров. Думаю, что немцев начнем скоро пятить назад. Ну и сволочь же это, трудно рассказать даже. Как змей их нужно давить, всех подряд. Сейчас ночь, в нескольких километрах линия фронта, горят селенья – подожгли немцы, боятся, как бы мы их ночью не давили. Пехота у них слаба, вот только танков много, в этом-то все и дело». В начале декабря бригада вступила в бой. В письме от 2 декабря отец писал: «Немцев мы начинаем бить и к Москве их не допустим».

Рис. 8. Почтовые карточки с фронта. 1942 г., 1943 г.
Источник: архив семьи Будрейко

Особенно ожесточенные бои развернулись 3–5 декабря за деревню Языково. Несколько раз она переходила из рук в руки. 5 декабря немцы в третий раз выбили части бригады из деревни. Но уже через несколько часов дружной, стремительной ночной штыковой атакой моряки заняли Языково окончательно. Позже отец вспоминал: «Только на рассвете мы увидели то, что моряки сделали ночью. В домах, погребах, на огородах, на заснеженных улицах валялись сотни убитых немцев, догорающие машины, подбитые танки, брошенные орудия. Поле боя говорит о многом. Сразу видно, кто наступал, кто оборонялся. Убитые моряки застыли в стремительном порыве вперед, лежали, сжимая винтовки, лицом и штыком обращенные к противнику. На лицах убитых немцев – застывший ужас, оружие брошено...

С рассветом 6 декабря 1941 года мы вступили в новый период войны. Мы впервые пошли на Запад. Первые километры на земле, побывавшей под немцами. Невозможно забыть то, с чем столкнулись. При самом выходе из Языкова прямо на снежной дороге лежат три обгорелых тела. По клочкам черных бушлатов и тельняшек узнали моряков из нашей бригады. Рядом валяется канистра с остатками бензина. До сих пор мы только слышали о жестокости фашистов, читали в газетах. Но теперь увидели своими глазами. На окраине одной из деревень мы наткнулись на лежащие на снегу тела красноармейцев. Рядом – огромный коровник, битком забитый телами убитых. То же и в другом сарае.

Суровыми становились лица проходивших мимо в наступление моряков. Это было сильнее всяких митингов и речей. Мы знали: озверелому врагу пощады не ждать» (Будрейко, 1966).

Надо сказать, что и должность начальника химической службы была совсем не «штабной». Никакой «химии» под Москвой не было. Заниматься приходилось всем: держать связь с батальонами, ходить в разведку, проверять оборону или подготовку к операции, заменять выбывших из строя командиров подразделений. *«Вспомнилось знаменитое “бадино”: “Взять винтовки со штыками!”, и штаб во главе с комбригом шел в батальон, в цепи, и после каждого такого похода все меньше и меньше становилось работников штаба»*. Потери в бригаде были огромными: через три месяца боев от командного состава и штаба осталось в живых всего четверо. Погиб и командир, капитан 1-го ранга Я.П. Безверхов. В мае 1945 г. один из боевых товарищей писал отцу: *«Куда Вас только командир бригады не посылал, на самые опасные места. Откровенно говоря, я всегда боялся за Вас, Вы еще не совсем хорошо слышали. Значит судьба такова. Вы должны были жить и работать»*.

Через несколько дней боев горизонт обгадился пожарами. Немцы, отступая, жгли деревни, в оставшихся домах минировали двери, стулья, отдельные предметы. Но сдержать этим наступление советских войск не могли. 16 января 1942 г. отец писал домой: *«Сволочь немецкую бьем, злости у меня на вшивых арийцев много. Все выжигают, грабят, жители нас со слезами от радости встречают, такой жестокой войны еще не*

было. Очень хочется победить и остаться живым, мир будет заново перестраиваться. Несколько раз был под сильным огнем. Я-то остался цел, а вот двух моих друзей боевых убило».

«Как и вся армия, бригада наступала так стремительно, что часто немцы, бросая все, едва успевали убежать. В одном доме только что занятой деревни мы наткнулись на накрытый стол с маленькой елочкой, в бокалах вино, горящие свечи. Но вместо приятной встречи Рождества немцам пришлось в жгучий мороз, утопая в снегу, отступать до следующей деревни.

Солнечногорск, Клин, десятки деревень остались позади нашей бригады. Тысячи наглых и самоуверенных завоевателей навечно остались в глубоких снегах Подмосковья. Непосредственная опасность для нашей родной Москвы миновала» (Будрейко, 1966).

Во взятый 1-й Ударной армией Клин приезжал министр иностранных дел Великобритании Иден. Огромное впечатление на англичан произвели масса разбитой немецкой техники, которой на несколько километров было забито Рогачевское шоссе, большие потери противника в живой силе. Видимо, только тогда они поняли, что такое война в России.

В отчете штаба 1-й Ударной армии сообщалось: «Бои 71-й отдельной морской стрелковой бригады, которые она вела за село Языково, деревни Борисово, Тимоново и на реке Ламе, были самыми ожесточенными и самыми успешными из всех боев, какие вели части армии в битве за Москву. Бригада дралась дерзко и умело. Моряки штыковыми атаками выбивали гитлеровцев из населенных пунктов и наводили ужас на фашистских солдат и офицеров» (Кувшинов, 1969, с. 106).

С большим энтузиазмом и огромной верой в победу сражались моряки под Москвой. Пленные и жители освобожденных городов и деревень рассказывали о паническом страхе немцев перед «черной смертью», как они называли моряков, перед их дружным напором и неотразимым штыковым ударом. Моряки были одеты в обычные серые солдатские шинели, но, когда начиналась атака, сбрасывали их и, надев бескозырки, в одних черных бушлатах неудержимой лавиной рвались вперед, соблюдая святую традицию моряков: «Служу в пехоте, а воюю по-флотски». Один пленный немецкий офицер заявил на допросе: «О, эти ваши черные люди... Я прошел много стран Европы, и всюду меня ожидала только победа. Этот ваш особый народ положил на меня и моих воинов вечное пятно позора» (Кувшинов, 1969, с. 106).

Будучи членом партийной комиссии бригады, отец вспоминал: «Тяжелая фронтовая обстановка своеобразно отразилась на росте партийных рядов нашей бригады. В ходе боев были потери, и немалые, а парторганизация численно оставалась прежней, порой становилась и большей, чем раньше. Объяснялось это непрерывным притоком в партию новых людей, стремлением многих воинов связать с ней свою судьбу.

Помню, при освобождении одной из деревень на ее окраине еще слышались выстрелы, а в крестьянской избе собралась партийная комиссия

бригады для разбора заявлений вступающих в партию. Бойцы и командиры резервных подразделений по одному заходили в дом, чтобы сразу после вручения партбилета идти в бой. Другие успевали лишь положить на стол листок из тетради или блокнота, на котором были написаны взволнованные слова: «Иду в бой. Если погибну, прошу считать коммунистом».

Бывало и так: боец с воспаленными глазами, в обожженном и простреленном полушубке или шинели, только что вышедший из боя, увидев тебя, говорит: «Я к Вам по очень важному делу. Прошу Вас, дайте рекомендацию в партию. Воевать хочу коммунистом, заверяю – не подведу».

Боец уходит, а ты при свете фронтовой коптилки долго сидишь и думаешь, как точнее охарактеризовать этого человека, чтобы рекомендовать его в партию. Но вот рекомендация написана, давно ты носишь ее в нагрудном кармане, чтобы при случае сразу вынуть и отдать тому, кого она характеризует, а человека все нет и нет. Наконец, узнаешь: «Убит. Геройски дрался» (Будрейко, 1966).

5 января 1942 г., в разгар боев на реке Ламе, в бригаду пришло известие из штаба армии: «За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину и организованность, за героизм личного состава 71-я морская стрелковая бригада преобразована во 2-ю гвардейскую стрелковую бригаду» (Кувшинов, 1969, с. 107). В середине января 1942 г. бригаду вывели из боев на отдых в район Клина, где ей, первой из морских бригад, вручили гвардейское знамя.

5 февраля 1942 г. в сводке Совинформбюро сообщалось: «За последние дни боев гвардейская часть командира Безверхова, действующая на одном из участков Западного фронта, разгромила 3 полка вражеской пехоты и захватила 15 немецких танков, 460 автомашин, 5 броневиков, 15 транспортеров, 20 орудий, 50 пулеметов, 30 минометов, 200 автоматов, 500 винтовок, 7 радиостанций, 350 тысяч винтовочных патронов и обоз с большим количеством медикаментов» (Кувшинов, 1969, с. 106). За успешные боевые действия, храбрость, мужество и отвагу 51 человек из состава бригады был награжден орденами.

После переформирования бригаду перебросили на Северо-западный фронт, где в этот период шли тяжелейшие бои с немецкой группой армий «Север». Проезжая г. Калинин, отец писал: «Наша 2-я гвардейская едет бить немцев с другого конца» (начало февраля 1942 г.) и в следующем письме: «Несмотря ни на что, Старую Руссу возьмем» (апрель 1942 г.).

В сентябре 1942 г. отец в первый раз был тяжело ранен под Старой Руссой. Несмотря на огромное желание вернуться в строй, здоровье не восстанавливалось. Тогда он написал письмо во Владивосток с просьбой взять его преподавателем Высшего военно-морского училища. В нем говорилось: «Мы честно пронесли наше гвардейское знамя, нашу морскую честь через фронты Московский, Северо-Западный и Донской. Когда будут писать историю Тихоокеанского училища, то отметят, что воспитанники его дрались и погибали мужественно. Мы... никогда не забудем погибших в

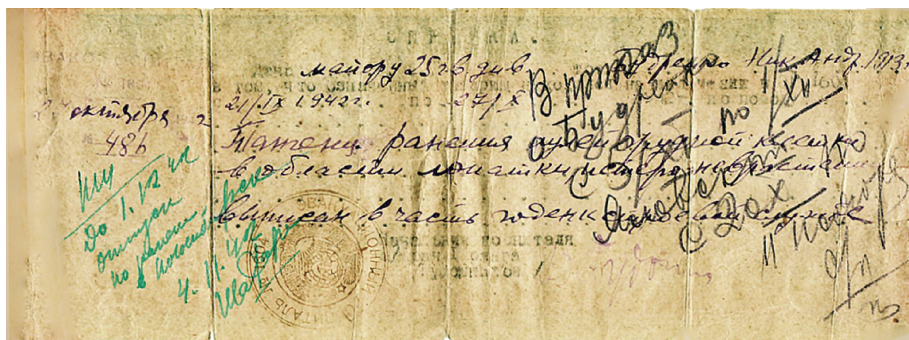

Рис. 9. Справка из госпиталя о ранении и предоставлении месячного отпуска.
 Ноябрь 1942 г., Борисоглебск.
 Источник: архив семьи Будрейко

боях товарищей... В нашей дивизии, давно уже не морской, высоко ценят звание “моряк” и стремятся подражать людям, пришедшим с флота».

Однако военные письма шли медленно, и когда отец получил, наконец, вызов из училища, здоровье его пошло на поправку. Во втором письме он писал: «Представить себя вне боевой семьи просто невозможно. Вот почему мне, получившему документы и литер до Владивостока, тяжело уезжать с фронта. Я долго думал, как поступить. И сегодня решил – остаюсь здесь. Я подлечился, имею военный опыт и нужен действующей армии» (Кувшинов, 169, с. 149–150).

Интересна выдержка еще из одного письма, характеризующая его настроение, как, и настроение всего народа, в этот период: «Сейчас война, мы личной жизни не имеем и все отдаем фронту, ибо вопрос победы для моих друзей, для нашей матери и для нас с Женькой – это вопрос жизни. Будет жить наше советское государство, будем жить мы...»

В семейном архиве сохранились записи, сделанные отцом «по свежей памяти» в 1944–1946 гг. Это не только воспоминания, а во многом аналитические заметки о том, как Красная Армия училась грамотно, умело, с минимальными потерями бить врага. Вспоминая зиму 1941 г., он писал: «Только теперь (в начале 1943 г.) мы почувствовали, что воевали в бригаде, пожалуй, и не совсем ладно. Ставка делалась на живую силу, на выносливость, на героизм личного состава...

В атаку шли лавой... в рост, под секущим пулеметным и автоматным огнем, несли большие потери, старались дорваться штыком сквозь огневую завесу. Прорвавшись, по несколько километров бежали и лезли вперед по глубоким снегам, пока не падали в изнеможении даже здоровяки-краснофлотцы...

Не было системы, планомерности в ведении боя. Думали не о том, чтобы захватив, закрепиться, а только о том, чтобы идти вперед и вперед. Часто не имели локтевой связи с соседями, лихорадочно лезли напролом, вырывались вперед и, попав под лобовой и фланговый удары, откатывались снова назад. Поэтому по несколько раз приходилось

брать одно и то же... только благодаря железному упорству моряков удерживались занятые позиции.

Взаимодействие, самое примитивное, осуществлялось только с артиллерией... Придаваемые в оперативное подчинение танки использовались робко и неумело или получали такую боевую задачу, после выполнения которой оставался только штаб.

Старый вояка, участник Гражданской войны “Батя” и его ближайшие сподвижники – морские командиры, по существу, не были знакомы с сухопутной тактикой...

А как работал штаб, использовались специалисты?.. Начинж, начсвязи, НХС, кроме, пожалуй, начарта, все выполняли оперативные задания, несли дежурства (ОД), ходили в батальоны проверять оборону или подготовку к операции. Часто по убыли из строя комбата штабник принимал команду.

То, что специалисты выполняли функции оперативного отдела и могли заменить строевого командира, было неплохо, но их подразделения оставались без руководства и часто использовались не по назначению. Саперы, например, работали кое-как, а чаще всего занимали оборону как стрелки или ходили в атаку вместе с пехотой.

Радио было нелюбимо и использовалось редко, а проволочная связь работала плохо. ... Чтобы не потерять управление войсками в бою, штабы батальонов находились там, где положено было быть командиром роты, а штабриг – до километра от переднего края, под действительным пулеметным огнем противника.

Связь осуществлялась посыльными, роль которых в ряде важных случаев выполняли штабриговцы.

Вспоминается... как вели карты. Карта вся испещрена надписями, ни одного условного знака. О кодировании и шифровке и речи не было... Оперативных документов, по существу, знали два: боевой приказ и донесение. Изредка при нахождении в обороне изготовлялись схемы. Официальных сигналов взаимодействия никто не устанавливал, о плановой таблице боя понятия не имели!

Учиться было некогда и не у кого – непрерывно в боях и движении – не хватало времени на сон.

Да! Но все же, мы дрались неплохо! Железная дисциплина, величайшее самопожертвование, взаимная выручка и поддержка в бою царили в подразделениях.

Плохо было то, что в штабе бригады морской пехоты, особенно в оперативном отделе, отсутствовали сухопутные специалисты.

Ошибку делал “Батя”, когда при формировании отсылал присланных кадровых командиров-пехотинцев обратно и ставил на их места “своих” – моряков. Морской доблести и героизму нужна была хорошая тактическая выучка».

В начале 1943 г. это была уже совсем другая армия: «С каждым днем, после каждого занятия в войсках, в поле с новыми командирами,

прибывавшими в формировавшуюся дивизию из госпиталей и военных училищ, мы с огромным удовлетворением отмечали свой рост в военном отношении.

Мы начинали улавливать систему, планомерность в военном деле, перед нами все шире и глубже раскрывались основы ведения и организации современного боя.

Работа штаба по руководству войсками и боем открылась как многообразная и слаженная работа высококвалифицированных специалистов, где каждый четко, в тесном взаимодействии с другими выполняет свои обязанности».

Фронтовые письма показывают, что уже с начала 1943 г. в войсках росла уверенность в неминуемой и скорой победе. Отец писал: «Здравствуй, дорогая мама! Жив и здоров. Бью венгров, румын и прочую дрянь на донских просторах. <...> Где-то недалеко от меня, на одном фронте, воюет и Женя... Сейчас, вот сегодня ночью, мы идем в наступление. Опять погоним венгров, как несколько месяцев назад немцев гнали от Москвы. ... Несмотря ни на что немцев и их помощников мы обязательно разобьем... Венеры группами сдаются в плен, сами приходят с нашими листовками, армия немцев разлагается, а у нас наоборот: дерутся все лучше и лучше».

О том же говорилось в письме от мая 1943 г.: «Стоим накануне больших боев. Этим летом будет решаться судьба войны. Немцев мы все-таки разнесем. За меня, мама, не беспокойся. От смерти не убежишь, а голыми руками меня не взять». И еще один полный надежды на скорую победу отрывок из письма от 15 апреля 1944 г.: «Был в Одессе,

Рис. 10. Гв. майор Н.А. Будрейко (справа) с боевыми друзьями по случаю награждения орденом Красной Звезды. Май 1943 г. 3-й Украинский фронт.
Источник: архив семьи Будрейко

теперь стукаем румынов. На нашей земле повоевали, хватит, переехали к руманештям. ... Пять суток шел пешком, бросив из-за грязи машину, вслед за удиравшими румынами и немцами. Одесса почти цела, красивейший город, встретили нас, как родных».

Однако война оставалась войной, и весной 1944 г. отец был ранен вторично. Он писал об этом в характерном для него лаконичном спокойном стиле: *«Жив и здоров, чувствую себя хорошо. Был еще раз ранен – легко. Мама! Во время моего второго ранения у меня сгорели все личные вещи, документы и фотографии. ... Меня вытащили из машины в одном обмундировании. У меня сейчас ни одной фотокарточки. Потому что есть у тебя, береги».*

Отец окончил службу в действующей армии в мае 1944 г. старшим помощником начальника химической службы 6-й армии 3-го Украинского фронта по оперативной и разведывательной работе. Сохранилась характеристика, данная ему при назначении на эту должность (май 1943 г.).

Боевая характеристика

на начальника химической службы 25 гвардейской
ордена Красного Знамени стрелковой дивизии
гвардии майора Будрейко Николая Андреевича

Делу партии Ленина – Сталина и социалистической родине предан, идеологически выдержан, морально устойчив.

За время пребывания в должности начальника химической службы дивизии показал себя дисциплинированным, исполнительным и способным командиром. В вопросах химической службы подготовлен достаточно.

В период нахождения дивизии в обороне, а также в период наступательных действий с 12 января 1943 года умело организовал при дивизионной химической роте подготовку истребителей танков для стрелковых частей. По линии штаба неоднократно привлекался к выполнению оперативных заданий, которые выполнял своевременно и аккуратно.

В боевой обстановке спокоен, лично храбр, в обращении вежлив, к подчиненным требователен.

*Командир 25 зв. орд. Красного Знамени стрелковой дивизии
гвардии генерал-майор Шафаренко*

Пройдя с боями от Москвы до Румынии, будучи одним из последних моряков-дальневосточников, участвовавших в освобождении Харькова и Одессы, боях на Дону и Северском Донце, форсировании Днепра, отец особенно часто вспоминал самый тяжелый начальный период войны, ту огромную цену, которая была заплачена под Москвой. В воспоминаниях об этом времени он писал: *«Ночью сдала свой участок наша 2-я*

отдельная стрелковая бригада морской пехоты, получившая за успешные боевые действия под Москвой орден Красного Знамени и поздравительное письмо Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина на имя комиссара бригады для личного состава.

Пожелав боевой удачи командиру полка, принявшему участок, я вышел из блиндажа бывшего КП командира 2-го батальона бригады... Ночь была относительно спокойной. ... Доносились глухие разрывы и вспышки, освещавшие горизонт, работали наши "ночники".

Время от времени слышались резкие пулеметные очереди, замерзающие фрицы-наблюдатели предупреждали о своей бдительности. По ту сторону шоссе вдоль немецкого переднего края непрерывно вспыхивали и медленно гасли осветительные ракеты.

Участок бригады пуст и безжизнен. Следы ожесточенного обстрела и бомбежки,

бесчисленные давние воронки, присыпанные снежком, и черные пятна свежих разрывов. Разметано, перекопано траншеями, рвами и щелями, густо засеяно минами место славы, подвигов, гибели боевых друзей и товарищей. Под ногами – ни клочка чистой земли: остатки стабилизаторов мин, осколки снарядов и авиабомб, словно пронесся железный дождь и прибил все – кусты, расщепил стволы деревьев.

Десятки раз на карте, на схемах я отмечал и вычерчивал все эти высотки, лощинки, рощицы. Не раз ползком, перебежками под пулеметным огнем и артналетами пробирался вместе с комбатами, "Батей" по всему переднему краю вплоть до линии боевого охранения. Размещали огневые точки, под носом у противника вели командирскую разведку, наблюдали, изучали и уточняли на местности будущую операцию. Часто вместо выбывшего комбата приходилось принимать команду, восстанавливать положение, организовывать оборону.

Глубокое чувство грусти и жалости охватило меня, словно расставался с чем-то дорогим и близким. "Неужели жалко это кладбище, это проклятое место?.. ведь я цел, здоров, впереди отдых, жизнь... Почему же не весело?" – с удивлением спрашивал я себя.

Грустно потому, что ухожу почти один. Много сверстников, ребят моего поколения навсегда остались здесь».

В январе 1945 г., после окончания Специальных курсов армейских работников при Военно-химической академии им. Ворошилова в Москве,

Рис. 11. Гв. подполковник Будрейко, старший помощник начальника химической службы 6-й армии 3-го Украинского фронта по оперативной и разведывательной работе. Май 1943 г.

Источник: архив семьи Будрейко

отец был направлен в г. Кострому, начальником курса Высшей офицерской школы технических войск Красной армии. Он писал матери: *«Академию окончил на круглые “отлично”. По-видимому, я уже отвоевался, так как полагаю, что война должна кончиться в ближайшем будущем... Работа моя интересная, но очень большая и беспокойная, все офицеры-слушатели идут ко мне со своими личными и семейными вопросами, народ самый разнообразный и по возрасту, и по образованию».*

В семейном архиве сохранились письма слушателей, написанные в мае 1945 г. Вот выдержки только из двух: *«1 мая 1945 г. Тов. гв. подполковник!..*

На каждом шагу и в каждую минуту хочется сказать Вам только одно – спасибо за воспитание и Вашу науку, Вы были действительно батько, за которого в любую минуту можно пойти везде и всюду».

«9.5.45. г. Омск. Здравствуйте, многоуважаемый тов. гв. подполковник!

С приветом к Вам бывший Ваш слушатель ст. л-т Мартаненко.

Хорошему начальнику, хорошему воспитателю; чувства вежливости и высокое уважение заставляют написать Вам несколько слов.

Я выражаю большую благодарность за Вашу хорошую работу, за Ваш разумный подход к людям, отличный пример строевого командира-воспитателя.

Я думаю, кто любил воинскую дисциплину, кто понимал, каким должен быть командир-воспитатель и чего он хочет добиться от подчиненных – душа его не может быть каменной, она заставит его написать – написать и поблагодарить Вас, что, конечно, подавляющее большинство и сделает».

В августе 1945 г. в связи с окончанием войны Высшая офицерская школа была расформирована, и перед отцом вновь встала задача выбора жизненного пути. Можно было продолжить службу в армии, и он, безусловно, стал бы прекрасным военным, поскольку обладал всеми необхо-

димыми для этого качествами: способностью быстро оценивать обстановку и принимать верные решения, хладнокровием, смелостью, быстрой реакцией, умением увидеть ситуацию с точки зрения ее стратегических и тактических возможностей. Но высокая требовательность к себе и желание, особенно окрепшее после войны, лучше понять законы развития природы и общества, в частности истоки военных

Рис. 12. С матерью в Колывани. 1946 г.
Источник: архив семьи Бударейко

конфликтов, заставили его принять другое решение. В августе 1945 г. он демобилизовался как специалист народного хозяйства.

В ноябре 1946 г. отец поступил в аспирантуру Института философии АН СССР, а в мае 1950 г. под руководством Б.М. Кедрова защитил кандидатскую диссертацию. Но ему почти не пришлось работать в избранной области, так как через год он был назначен заведующим Отделом науки и вузов, а затем – Отделом науки и культуры МК КПСС. Это был один из самых напряженных и насыщенных периодов в его жизни, когда ему довелось быть свидетелем, а иногда и участником таких важнейших государственных событий, как разоблачение культа личности Сталина, борьба с «антипартийной группой Маленкова, Кагановича, Молотова», начало «хрущевской оттепели». Как кандидату в члены пленума Московского областного комитета партии, депутату Моссовета ему пришлось работать с Н.С. Хрущевым, встречаться с деятелями науки и культуры, министрами, партийными и советскими работниками. Однако партийная работа заставила отца критически взглянуть на многие, казавшиеся незыблемыми, законы жизни советского государства. Он так и не стал партийным функционером, и в 1956 г. при очередной реорганизации партийного аппарата без сожаления вернулся к научной и педагогической работе. В 1958 г. он был избран на должность заведующего кафедрой диалектического и исторического материализма (философии), созданной в Московском химико-технологическом институте им. Д.И. Менделеева.

1 октября 1958 г. в газете «Менделеевец» (Будрейко, 2002, с. 35) была напечатана статья отца, в которой сообщалось, что в институте впервые вводится курс диалектического и исторического материализма, а для его преподавания организована специальная кафедра. В этой публикации он высказал свою убежденность в важности теоретического знания, необходимости тесной связи преподавания философии и специальных дисциплин. Отец нашел самую широкую поддержку своим идеям, в первую очередь, со стороны молодого, энергичного и очень доброжелательно относившегося ко всему новому ректора, будущего академика Н.М. Жаворонкова. Поддержал его и ученый совет института.

Долгое время отец олицетворял кафедру философии в глазах профессорско-преподавательского коллектива МХТИ; уже в первые годы работы у него установились тесные контакты со многими заведующими кафедрами и ведущими профессорами института. Немалую роль здесь играло и

Рис. 13. Н.А. Будрейко,
заведующий кафедрой
философии МХТИ им.
Д.И. Менделеева. Москва. 1965 г.
*Источник: архив семьи
Будрейко*

общее базовое – химическое – образование. Это способствовало созданию на кафедре творческой атмосферы, тесному взаимодействию с химическим сообществом.

Отец уделял большое внимание организации научно-педагогической работы в ведущем химико-технологическом вузе страны, и ему удалось создать дружный коллектив, в котором вместе с опытными преподавателями активно и заинтересованно работала молодежь (Павлова, 2004, с. 5). Наряду с этим особое значение он придавал поддержанию научных контактов как со специалистами в области философских проблем естествознания, так и с учеными-химиками. В 1960–1970-х гг. установились творческие связи кафедры с Институтом истории естествознания и техники АН СССР. Несомненной заслугой отца было привлечение к работе одного из крупнейших специалистов в области истории и методологии химии, доктора химических наук, профессора В.И. Кузнецова. Долголетнее сотрудничество с этим замечательным ученым и человеком не только способствовало поддержанию высокого уровня научной и учебно-методической работы кафедры философии, но и позволяло ее сотрудникам своевременно знакомиться с работами в области истории и философии химии, проводившимися в ИИЕТ. Преподаватели и аспиранты МХТИ в числе первых познакомились с выдвинутыми В.И. Кузнецовым представлениями о новой классификации химии по принципу иерархии уровней химического знания, которые были положены им в основу определения тенденций развития химии.

За годы работы в институте у отца вышли три книги: «Познание тайн материи» (М., 1962), «Философия, физика, химия» (М., 1964) и, наконец, «Философские вопросы химии» (М., 1970). Последняя из них заслуживает того, чтобы сказать о ней особо.

Рис. 14. Монографии Н.А. Будрейко

Книга была написана на базе спецкурса, который отец в течение многих лет читал аспирантам и студентам своего традиционного – физико-химического – потока. До этой работы как в отечественной, так и в зарубежной литературе подобных учебников практически не было, и «Философские вопросы химии» стали настоящим прорывом, образцом систематического комплексного взгляда на преподавание философии химии. Неоспоримым достоинством работы являлось то, что в ней курс философии был впервые увязан с химией. Возможно, для исследователя такое широкое проблемное поле было недостатком, но для преподавателей как философии, так и фундаментальных химических дисциплин – неоценимой помощью. Последнее подтверждается той большой ролью, которую эта книга сыграла в организации сети методологических семинаров в высшей школе.

До начала 1990-х гг. «Философские вопросы химии» широко использовались в вузах химико-технологического профиля. И хотя после 1991 г. преэминентность временно оборвалась, важность формирования у специалистов общих представлений о мире, его законах, логике развития природы и общества, наконец, культуры мышления сделала необходимым изучение философии и методологии химии. И в этом смысле тема вновь приобрела актуальность (Алейник, 2004, с. 5; Макаров, 2004, с. 4).

В 1971 г. отец защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора философских наук. Подготовка этой работы потребовала от него напряжения всех сил, поскольку, не желая надолго оставлять кафедру, он обошелся без творческого отпуска. И вот, наконец, защита... Я до сих пор с благодарностью вспоминаю те добрые, уважительные слова, которые были сказаны в его адрес известными учеными: официальным оппонентом, заведующим кафедрой общей и неорганической химии МХТИ им. Д.И. Менделеева, д.х.н., профессором М.Х. Карапетьянцем и проректором по учебной работе, д.х.н., профессором Б.И. Степановым. На следующий день на кафедрах общественных наук появился плакат: «Поздравляем дорогого Николая Андреевича с блестящей защитой докторской диссертации!»

Свою жизнь связал с химией и Е.А. Будрейко. После окончания химического факультета Горьковского (Нижегородского) университета он в 1953 г. в составе первого набора аспирантов был зачислен в ИИЕТ АН СССР. В 1957 г. под руководством Н.А. Фигуровского успешно защитил диссертацию на тему: «Основные направления развития электрохимии водных растворов в XIX в.». Это была одна

Рис. 15. Е.А. Будрейко, аспирант ИИЕТ АН СССР. Москва. 1951 г.
Источник: архив семьи Будрейко

из первых диссертаций по истории химии в ИИЕТ. В дальнейшем он опубликовал ряд работ по истории химии, подготовил книгу об известном физикохимике и организаторе науки, члене-корреспонденте АН СССР Н.А. Изгарышеве. Уже тогда было положено начало творческим контактам нашей семейной династии историков химии с Институтом истории естествознания и техники, где сформировался коллектив известных специалистов в этой области: В.И. Кузнецов, П.М. Лукьянов, Ю.И. Соловьев, Н.А. Фигуровский.

Н.А. Будрейко остался в памяти коллег, учеников, фронтовых друзей как замечательный ученый и педагог, человек высокого профессионализма, интеллигентности, порядочности. В нашей семье он всегда остается нравственным образцом отношения к науке, к людям, к близким, к Родине.

Источники и литература

1. Архив семьи Будрейко.
2. *Алейник Р.М.* Идея мировоззренческой подготовки студентов актуальна и сегодня // Менделеевец. 2004. № 4 (2147). С. 5.
3. *Будрейко Е.Н.* Жизнь на переднем крае // Исторический вестник РХТУ им. Д.И. Менделеева. 2002. № 7. С. 31–39.
4. *Будрейко Н.А.* Подвиг моряков // Менделеевец. 1966. 6 декабря. № 37 (969). С. 2.
5. *Будрейко Н.А.* Философские вопросы химии. М.: Высшая школа, 1970. 336 с.
6. *Кувшинов С.* У стен столицы. М.: Московский рабочий, 1969. 159 с.
7. *Макаров В.* Я слушал его лекции // Менделеевец. 2004. № 4 (2147). С. 4–5.
8. *Павлова Л.В.* Талант наставника, педагога, ученого // Менделеевец. 2004. № 4 (2147). С. 5.

References

1. Arkhiv sem'i Budreiko.
2. Aleinik, Raisa M. «Ideya mirovozzrencheskoi podgotovki studentov aktual'na i segodnya.» *Mendeleevets*, no. 4 (2147), March 2004, p. 5.
3. Budreiko, Ekaterina N. "Zhizn' na perednem krae." *Istoricheskii vestnik RKhTU im. D.I. Mendeleeva*, no. 7, 2002, p. 31–39.
4. Budreiko, Nikolai A. "Podvig moryakov." *Mendeleevets*, no. 37 (969), 6 Dec. 1966, p. 2.
5. Budreiko, Nikolai A. *Filosofskie voprosy khimii*. Vysshaya shkola, 1970.
6. Kuvshinov, Semen F. *U sten stolitsy*. Moskovskii rabochii, 1969.
7. Makarov, Vladimir. "Ya slushal ego lektzii." *Mendeleevets*, no. 4 (2147), March 2004, p. 4–5.
8. Pavlova, Lyudmila V. "Talent nastavnika, pedagoga, uchenogo." *Mendeleevets*, no. 4 (2147), March 2004, p. 5.

Сведения об авторе:

Будрейко Екатерина Николаевна, кандидат химических наук, ведущий научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Москва, Россия; e-mail: budrejko@inbox.ru. <https://orcid.org/0000-0001-7602-6600>

Дата поступления статьи: 23.04.2025

Одобрено: 25.04.2025

Дата публикации: 28.07.2025